

О. А. Кричевская

Ницшевская философия в рамках русской культуры

За последние 15 лет в России произошли немаловажные перемены, и пока трудно сказать, положительные или отрицательные. Но можно точно утверждать, что одним из итогов становления демократии стала возможность проникновения и существования в нашем обществе абсолютно любой мысли. Наверное, этим отчасти объясняются и безрезультатные поиски новой русской идеи в последние годы, ведь из-за многообразия мнений, вкусов и возможностей свободного проявления своей индивидуальности люди не могут быть объединены вокруг чего-то одного.

В связи с таким положением вещей ницшевская философия стала переживать свое новое рождение в рамках русской культуры и по-новому осмысливаться. Она распространяется уже не только в философских кругах, но становится популярной и среди молодежи, привлекая ее своим новаторством, актуальностью и, прежде всего, тем, что пропагандирует свободу мысли и творчества, побуждая думать не как все. Пока я не буду говорить о том, хорошо это или плохо, а рассмотрю тот факт, что ницшевская философия на протяжении своей истории в России очень плохо сочеталась с русским менталитетом и характером, традиционной психологией нашего народа. Что послужило причиной того, что идеи немецкого философа не были адекватно восприняты?

Начну с пояснения главного тезиса философии Ницше, который будет находиться в центре моих рассуждений в этой статье. Это призыв отказаться от сущностного мышления. Под сущностным мышлением имеется в виду мышление зависимое, мышление, опирающееся на какую-либо субстанцию или авторитет. Это идеи, которые вырабатываются не самим человеком путем свободного независимого мышления, а навязываются ему чем-либо или кем-либо. Ницше выступает против такого вида познания и рассуждения, и на этом основывается вся его критика западноевропейской философии. Понятно, что немецкий философ сам находился в рамках европейской культуры, поэтому он говорил о том, что ему ближе и о том, что его боль-

ше возмущало и волновало. Он не мог нападать на традиции той же русской философии, потому что она была далека для него. Думаю, что Ницше даже был патриотом в каком-то плане, так как хотел повлиять на развитие философии и культуры в своей стране. Итак, объектом критики становится вся европейская философия, начиная с Сократа, который первым нарушил ее правильное развитие. Нападкам подвергается и Декарт, который, несмотря на скептицизм, вводит субстанцию материальную и духовную в философию, а это ведь и есть самые настоящие сущности. От них не смогли отказаться и Кант, у которого есть вещь в себе, и Гегель, вся философия которого основана на теории абсолютного духа. И, тем не менее, не могу согласиться с тем, что самого Ницше можно вырвать из контекста европейской культуры и поставить особняком, рассматривать его как бы над всеми предыдущими философами. Феномен Ницше мне представляется закономерным явлением и порождением именно западной культуры, и далее я постараюсь это доказать. А тот факт, что объектом его критики становилась вся западноевропейская философия может говорить о том, что он стал заключительным звеном в цепочке постепенных попыток выработать независимое и свободное философское мышление.

Ницшевская философия могла возникнуть исключительно на Западе, ведь сознанию большинства европейцев более свойственно свободное мышление, чем сознанию большинства русских людей. Изначально западный человек не жил в условиях общины, ему были неизвестны такие понятия, как соборность. У него часто была своя собственность, и он учился сам ею распоряжаться. Это способствовало развитию индивидуализма в европейском сознании, осознанию достоинства и свободы. Такое яркое явление в европейской истории, как Реформация, стало, на мой взгляд, следствием именно индивидуализма и тенденции к свободомыслию, так как люди посягнули выразить протест против самого святого и фундаментального, что было тогда в обществе, – католической церкви. Таким образом, осознание своей свободы и борьба за нее стало косвенной причиной возникновения Ницше как феномена, который своей философией достиг апогея этого осознания и возвел в центр всего мироздания не привычную сущность чего-либо, а отрицание сущности как таковой.

Такой ситуации не было в России никогда. Тяга к общности и объединению в коллектив, а также склонность подчи-

нения авторитету были более присущи русскому человеку, чем осознание собственной свободы. Что такое личная свобода, он вообще не знал, хотя бы потому, что на протяжении всей истории находился в зависимости от кого-то, в чем-то подчинении. Русский человек привык верить в то, во что верят окружающие его люди, или в то, во что было приказано верить сверху. Именно поэтому философия Ницше, основным тезисом которой является отказ от сущностного мышления, не могла никак возникнуть в рамках русской культуры и быть адекватно воспринята, а главное, понята носителями этой культуры.

Кроме этого, в России не было и тех философских предпосылок, которые имели место на Западе, для возникновения ницшеанской философии. В то время, когда в Европе Декарт заложил основы скептицизма, то есть впервые выразил, наверное, закономерное желание многих европейцев подвергнуть сомнению многие несомненные вещи, в России и философии как таковой не было. Я имею в виду, что в России в то время не было философии в европейском понимании этого слова. Ей не были свойственны онтологичность и метафизичность, так как она не могла еще вырваться из рамок религии. На Западе, также до появления Ницше, была произведено много попыток выработать универсальную философскую систему. Здесь можно вспомнить и Канта и Гегеля. Каждый новый философ подвергал сомнению предыдущую философскую систему и стремился создать свою, более совершенную.

Подобного развития философии, как уже было сказано, не было в России. И на это было много причин. Другая была политическая обстановка в стране, другие были приоритеты в государственной идеологии. Нельзя было далеко отклоняться от жанров религиозных и летописных. Светская сторона жизни совсем не напоминала повседневность жизни европейской. Но, скорее, все это были следствия главной причины – традиционного для русского менталитета сущностного мышления. На протяжении истории русского народа оно имело множество проявлений. Первоначально, после принятия православия, вера стала сущностью, которая давала готовые ответы на все вопросы, проникала во все сферы жизни и на государственном, и на семейном уровне. И это была не просто вера в Бога. Это была и вера в царя, вера в свое Отечество без права и желания усомниться в этом. Как только в 1917 г. эту веру всеми способами стали разрушать, на смену ей не пришло свободомыслие или даже материализм. Появился атеизм, который, по сути, стал

тоже формой сущностного мышления, так как эта своеобразная «вера в неверие» также не позволяла в чем-либо усомниться и давала ответы на все вопросы. Появилась и непоколебимая вера в вождя, которая побуждала людей, как и православных мучеников, совершать героические поступки и жертвовать собственной жизнью, если понадобится, только уже не за Бога и не за царя, а за вождя. Но очевидно, что сущность никуда не исчезает, а просто во время разных исторических эпох называется по-разному. Только в 90-е гг. она как будто пропадает, государственная идеология перестает быть единой, и властью провозглашается начало построения демократии. И в связи с этим философия Ницше получает новое звучание. А какое – я постараюсь рассмотреть дальше.

Пока же я хочу охарактеризовать попытки восприятия ницшевской философии до 90-х гг. XX в. Итак, русский человек и, конечно, русские философы, даже при попытке интерпретации идей Ницше не смогли делать это объективно, так как не были способны принять главный ницшеанский тезис – отказ от сущностного мышления. Понятно, что это было непривычно для русского человека, и он не понимал, зачем отказываться от сущности, от веры, жить с которой так удобно и комфортно. Русские философы не привыкли и не умели настолько все подвергать сомнению и рациональному осмыслению, как это уже на протяжении многих столетий делали европейские философы. Но, как и европейские мыслители до прихода Ницше, так и русские признавали право на существование, как правило, только одной истины и не хотели подвергать сомнению этот главный принцип.

Итак, философия Ницше стала проникать в Россию в конце XIX и, конечно же, возмутила философские круги. Именно возмутила, а не поразила или удивила, как мне кажется. Потому что среди всего множества попыток интерпретации идей Ницше практически не было ни одной адекватной. Ницше рассматривался всеми через призму русской культуры. Например, такие философы как Астафьев, Грот, Лопатин несознательно искажали идеи немецкого мыслителя, перекладывая их на русскую почву. Можно сказать, что они видели в этой философии то, что обычно видят противники Ницше. Они не увидели самой сути и критиковали лишь отдельные моменты, вырванные из общего контекста, которые очень легко критиковать. А самой этой сути они и не могли увидеть, потому что читали Ницше словно в «очках сущностного мышления». Ницше по-

лучался яростно настроенным нигилистом, который только хочет все разрушить, не предлагая ничего взамен, который растоптал самые дорогие общечеловеческие ценности.

Другая версия трактовки ницшеанских идей была такой. Например, русские философы В. Соловьев и В. Иванов сознательно и очень убедительно адаптировали мысли Ницше к русской действительности и государственной идеологии. Они прекрасно понимали всю глубину ницшевской философии, но в то же время осознавали ее угрозу для русской и, в частности, их собственной философии. Если бы они стали объяснять истинные идеи Ницше, их бы, во-первых, все равно никто не понял, философия Ницше не была бы воспринята из-за специфики русского менталитета, а во-вторых, это пошло бы вразрез с их собственными взглядами, что получилось бы, по меньшей мере, нелогично. Получалось, что они сознательно словно прятали ницшевские идеи, ассоциировали их с якобы аналогичными русскими понятиями. Например, сверхчеловек в интерпретации Соловьева фактически приближался к Иисусу – образу, очень хорошо знакомому для русского человека. Этот гениальный ход поражает своей убедительностью. Что может быть понятнее в рамках русской культуры, как это объяснение, что Сверхчеловеком может быть только идеальный человек, каким и был Иисус Христос? Вячеслав Иванов тоже пошел по этому пути. Дионисийство в его интерпретации приближается к понятию Боговоплощения. Мифологема о смерти и возрождении Диониса была умело истолкована в русле православной догматики. Разве Христос, умерший во имя людей, не воскресает в людях каждый раз во время таинства Причастия? Это опять же было так знакомо для русского читателя, что лишний раз убеждать в этом его не приходилось. Получается, что Иванов и Соловьев сознательно искали аналоги ницшеанских идей в русской культуре и с легкостью их находили. Такая интерпретация по-своему гениальна, но не может быть, конечно же, объективной.

Адекватной интерпретации идей Ницше нельзя найти и у других философов. Ницше сравнивается то с Достоевским, то с Толстым, все время внедряется в русскую культуру и интерпретируется посредством ее понятий.

Понятно, что подобные трактовки словно защищали читателя от правильного понимания мыслей немецкого философа. Кроме того, до 90-х гг. Ницше был доступен для чтения очень маленькому количеству людей, так что даже намек на угрозу

проникновения истинных идей Ницше в русскую культуру не было. Что же происходит сейчас? Ницше доступен и, мало того, весьма популярен. Попыток интерпретаций стало еще больше, но качеством своим они вряд ли улучшились. Осознавая ошибки, которые нельзя делать при трактовке Ницше, современные русские философы сами их делают. И хоть они уже и интерпретируют его не в связи с явлениями русской культуры, тем не менее, они не могут до конца оторваться от какого-либо очередного штампа, которые в огромном количестве имеются среди вульгарных трактовок идей Ницше.

Но не это вызывает сегодня волнение, радостное и тревожное одновременно. С одной стороны, замечательно, что каждый имеет доступ к любой литературе, в том числе и к сочинениям немецкого философа. Получается прямо по Ницше: каждый может сам додумать и понять то, что ему необходимо, может проложить свой путь в жизни, отталкиваясь от свободы мышления. Но подготовлен ли каждый для этого? Ведь, с другой стороны, получается, что этот каждый бывает разным. Это, в лучшем случае, может быть студент философского факультета, а в худшем – радикальный подросток, который воспримет мысли Ницше как призыв к борьбе со всем, с чем он не согласен. Сегодня Ницше читают даже школьники, которые при всем желании могут понять только то, что позволяет их уровень развития. Так и получается, что из Ницше делают идеолога фашизма, антисемита и разрушителя культуры. С этой точки зрения, неправильно и вульгарно интерпретированный Ницше даже опасен для российского государства. Не могу не вернуться к мысли о том, что русский человек не привык к свободомыслию и он не может понять того, к чему призывает Ницше. Он понимает только частные, вырванные из контекста примеры из произведений Ницше, которые воспринимает буквально и вульгарно объясняет для себя. Так из немецкого философа сделали и антисемита, и антихристианина, призывающего бороться с евреями и христианами, хотя это при правильном прочтении нельзя увидеть даже между строк в текстах философа. И, конечно, нельзя устанавливать прямую причинно-следственную связь между чтением Ницше и усилением экстремистских тенденций в нашей стране, но не нельзя также и отрицать того факта, что очень часто случается именно так.

Однако я не могу отрицать единственного, пожалуй, объективного положительного момента, который влияет на русскую

культуру с тех пор, как Ницше стал всеми читаем и общедоступен. Известен тот факт, что для развития культуры необходимы своеобразные толчки-вызовы, которые будут побуждать культуру отвечать на них, и тем самым она будет преобразовываться, а значит, и развиваться. Иначе пространство культуры придет к стагнации и словно заморозится, а значит, и вообще вскоре умрет. Так вот, можно сказать, что Ницше и стал для русской культуры таким толчком-вызовом, который создает творческие искания, порождает новые импульсы и стимулы для дальнейшего искания и развития. Ницше создает много шума и рассуждений вокруг себя, а из них могут рождаться новые и свежие идеи, которые будут оригинальными в принципе, а не заимствованными из чужих культур.

Несомненно, в этом есть положительный эффект. Но он скорее культурный, общественный, чем индивидуальный. Можно говорить, что Ницше способен пробудить и в отдельном русском человеке творческий импульс, но я таких примеров не встречала, хотя не исключаю того, что это действительно возможно.

Таким образом, Ницше со своей философией все-таки является порождением западной цивилизации и в связи с этим трудно адаптируется в рамках русской культуры, но он побуждает русское общество к новым творческим исканиям, которые предотвращались на протяжении всей истории российского государства. Теперь русская культура учится творчеству, это происходит и благодаря Ницше в том числе, и стоит надеяться, что в этом она преуспеет.